

Б. В. ЯКОВЕНКО

Послесловие [книги «Философия большевизма»]

<...> ...Да, вы правы, утверждая, что русская революция несет с собою эру духовного обновления и строительства, эпоху переработки и утверждения новых кардинальных понятий и категорий общественного существования; но только большевизм тут совершенно ни при чем, и даже более того: большевизм являет собою стадию упадка и задержки осуществления русской революцией этих ее задач, а может быть, даже и ее самоубийство, ее могилу.

Однако такое возражение зиждется на чистейшем недоразумении, вызываемом либо партийной неспособностью, либо тактическим нежеланием взглянуть в глаза самой действительности. Большевизм — это не стадия только русской революции, это та ее стадия, на которой она разразилась с наибольшей силой и заявила о себе особенно громко, резко и определенно. Безусловно, эта стадия запечатлена зловещей и отталкивающей улыбкой насилия и развала; но вместе с тем именно этой улыбкой русской революции было суждено объявить миру свое подлинное социальное лицо и провозгласить свои основные принципы. В марте 1917 года мы слышали только революционный лепет «медового месяца» и видели только робкие шаги родившегося общественно-политического обновления; буря пришла потом, и только на мрачном и зловещем большевистском небе засверкали ослепительные зарницы. Мартовская революция была чиста и хороша и телом, и духом, но — увы! — она оказалась импотентна; октябрьская революция показала отвратительное лицо и оскаленную маску и окуталась клубами духовного смрада и окунулась в море преступлений; но она и зачала, и родила, и растит... пусть в муках и проклятии, но растит невиданное

детище. Именно в большевизме русская революция установила в России Советский строй, именно в большевизме она повергла там наземь капитализм и растоптала принципы собственности, именно в большевизме сейчас ищет мучительно и подчас так гнусно какого-то примирения между ценными еще элементами «старого» и самоутвердившимися уже властно элементами «нового». Такова непредвзятая историческая действительность самого недавнего прошлого и сегодняшнего дня; и если не хочешь зарывать голову в песок или кривить душою, ее необходимо признать и принять, как она есть.

Во-вторых, могут начать возражать следующим образом: вы охарактеризовали сначала большевизм в его нынешнем конкретном проявлении как систему своеобразного политико-социального деспотизма и насилия; как же может такой феномен нести в себе и воплощать идею максимальной свободы? Можно ли и как можно видеть в большевизме откровение свободного труда, когда он *de facto* сделал его принудительным и установил своего рода социалистическое рабство? Можно ли и как можно видеть в большевизме государственный плюрализм, когда он являет сейчас собою государственно самую яростную централизацию и иерархию? И т. д., и т. д. Можно, ответим мы, не колеблясь, и потому можно, что, во-первых, нынешний момент большевизма, нынешняя форма его, нынешние его вожаки суть элемент преходящий; а во-вторых, они составляют еще вдобавок, совершенно явным образом, как бы болезненную спазму общего процесса, как бы искаженную гримасу общего движения; припадок пройдет, а здоровая революционная суть останется. Наличным в этом противоречии смущаться нечего, — оно глубоко исторично. Все доброе и ценное в человеческой истории всегда рождалось и развивалось в атмосфере злого и отвратительного, с ним смешиваясь и срастаясь. И участь эта не миновала ни одной из революций, т. е. ни одного из борений за свободу.

Но разве не означают, — так может настаивать нам воображаемый оппонент, — террор, восстановление политического сыска, расцвет милитаризма под новым соусом и полное экономическое расстройство страны, — каковыми характеризуется как раз большевистский период русской революции, — разве не означают они глубокого внутреннего разложения ее, ее саморазрушения, ее самоотрицания, ее краха? И да и нет, ответим мы одновременно. Да — если брать вещи аккуратно, не ставя нынешних революционных событий в связь с более широким историческим процессом человечества; нет — если посмотреть на них с точки зрения всего предыдущего столетия и намечающихся очертаний грядущего.

Русская революция уже победила по существу, и победила именно как большевизм, как реконструкция мира на новых началах свободы, труда, личности и государства, но в конкретной реализации своей победы она будет, несомненно, задержана именно благодаря своему начальному внешне-конкретному уродливому проявлению в форме террора, насилия, милитаризма и экономического развала, которые играют только на руку врагам русской и большевистской революции. И о том, что эта так, свидетельствует хотя бы пример французской революции. Вспомним, например, следующие факты. 1) В течение последних 49 дней личной диктатуры Робеспьера в 1794 году на площади Согласия на эшафот вошло 1376 человек, т. е. в среднем по 28 человек в день; и среди них вошел также и главный вдохновитель и протагонист революции Дантон. 2) В начале 1795 года один золотой ливр стоил ассигнациями 130, а в конце его — уже 2500; мешок муки — 225 ливров, воз дров — 500 ливров, фунт хлеба — 45 ливров, фунт соли — 560 ливров, gigot — 1248 ливров. 3) Милитаризм сверху все больше и больше охватывал и проникал с 1795 года народное французское сознание, подготавливая почву для близившегося воцарения Наполеона. И тем не менее и несмотря на все последующие антиреволюционные перипетии, французская революция все же выполнила свое назначение и конкретно выявила свою духовно-обновляющую сущность и в социально-политическом строительстве, и в философском творчестве. Правда, с большим запозданием, именно благодаря той реакции, которую она сама вызвала своим преступным экстремизмом.

Многим французам и иностранным современникам французской революции казалось, что автократизм — обязательная категория политической жизни и что он отнюдь не побежден поэтому революцией; и непосредственно последовавшая за революцией эпоха как будто бы подтверждала такой взгляд, повернув решительно в сторону реакции и реставрации. Между тем в действительности и под реставрационными одеждами Европа и человечество продолжали изживать и впитывать задержанную французской революцией победу над автократизмом, и только более чем через сто лет (в 1917–1918 годы) окончательно реализовались конкретно заветы и завоевания 1789–1794 годов. Так и теперь капитализм и принцип частной собственности побеждены бесповоротно русской революцией; но люди, умственный кругозор которых раз и навсегда либо теоретически, либо практически ограничен эгоистической и капиталистической концепцией экономического бытия человечества, будут считать и объявлять это еще долгое время невозможным и, может быть, даже умрут с таким убеждением

в мозгу. Это, однако, нисколько не помешает дальнейшему ходу истории осуществить и закрепить навеки сокрушительный удар, нанесенный только что в России этим мнимо незыблемым началам.

Наконец, — чего доброго, — какому-нибудь оппоненту придет еще в голову сказать: но ведь большевики же провозглашали лозунг — «Кто не работает, не ест». Где же тут ваше понятие незаинтересованного труда? Не есть ли это, наоборот, самое открытое исповедание полной и принципиальной заинтересованности его? По существу дела и на это уже отвечено выше: о внутренней идейно-умозрительной сущности большевизма или, лучше, того могучего духовного движения, внешним и исковерканным призраком или даже гримасою которого он является в столь многих отношениях, нельзя судить по внешним его проявлениям. Вышеупомянутый лозунг есть боевой клич большевизма в стане непримиримых врагов. Это не его идейная подоплека, это его оружие в борьбе с буржуазией, которая до сих пор строила социально-политическую жизнь человечества на другом и противоположном лозунге: «Кто не имеет денег, тот не ест». По сравнению с этим отменно эгоистическим лозунгом большевистский лозунг достаточно уже благороден и идеален и практически является прямым преддверием к понятию полной трудовой незаинтересованности. Социально-политическое зло в человечестве идет не от того, что человек, для того чтобы есть, должен трудиться, а от того, что он хочет наживаться и путем наживы угрожать народным массам голодом и таким образом повелевать ими.

Революция вообще вещь столь же ужасная, сколь и великая; столь же отвратительная, сколь и прекрасная. И это потому, что таков именно человек, как то явствует хотя бы из великих трагедий Шекспира.

